

Лю Юньянь чувствовала себя единственным здравомыслящим человеком на этом шоу. О романтических отношениях можно было забыть, но раз уж она приехала, нельзя же позволить себе превратиться в затворницу.

Она постучала в дверь Лин Дуншэна:

— У тебя, должно быть, тоже нет пары для свидания? Может, составишь мне компанию?

Лин Дуншэн снял наушники и помедлил:

— Пожалуй... нет, спасибо.

Лю Юньянь приподняла бровь. В первом эпизоде Лин Дуншэн выбрал именно её в качестве объекта симпатии, и вот — прошло так мало времени. Она соблазнительно поправила локон, а её алые губы тронула насмешливая улыбка:

— Могу я узнать причину?

Лин Дуншэн почесал затылок:

— Ну... кажется, там есть человек, которому тоже очень одиноко, поэтому я хочу пригласить его.

Лю Юньянь хмыкнула:

— Не факт, что ему одиноко.

Но она, такая эффектная красавица, выглядела бы слишком жалко, если бы осталась в полном одиночестве. Она бросила взгляд на Цзи Кэ, сидевшего в гостиной, и, поморщившись, отвела глаза.

— Сестренка Янь, пойдем прогуляемся в город вместе? — к ней подошла Жуань Тинтин.

Лю Юньянь окинула взглядом миловидное личико девушки и улыбнулась:

— Ты приглашаешь меня на свидание?

Жуань Тинтин опешила и испуганно прижала руки к груди:

— Нет, что вы, я просто считаю вас своей подругой.

Лю Юньянь расхохоталась:

— Да чего ты боишься? Раз уж у нас нет пары, придется довольствоваться обществом друг друга.

В солярии Цюй Сяо сидел за роялем, и солнечные лучи танцевали на переносице.

— Что хочешь послушать?

— Сыграй Зеленые луга.

Это была одна из авторских пьес Цюй Сяо с удивительно свежим звучанием. Слушая её, словно оказываешься посреди бескрайней степи — свободной, дикой и первозданной. Чу Син очень любил эту мелодию, она дарила ему ощущение солнца и свободы.

— Хорошо, я сделаю всё, что ты пожелаешь, — Цюй Сяо в белом свитере тепло улыбнулся.

Чу Син подпер подбородок рукой, не отрывая взгляда от Цюй Сяо. Тот всегда был хорош собой, но во время игры его обаяние возрастало многократно. Когда музыка смолкла, Цюй Сяо ущипнул Чу Сина за щеку: тот казался худым, а черты лица — утонченными, но кожа была мягкой и нежной.

— Следующую мелодию выберу я.

Чу Син не возражал. Комнату наполнил цветочный аромат, солнце светило ярко, а не успевший растаять снег превратил двор в серебристую сказку. Атмосфера была тихой и прекрасной, вызывая невыразимое счастье.

[Это Грезы любви Листа, самая классическая мелодия для признания.]

[Руки Цюй Сяо наверняка поцелованы богом, как он умудряется попадать каждой нотой прямо в сердце?]

[Мой чистый и невинный малыш, даже признание делает так тонко, а ведь Гу Тинхань по соседству уже вовсю обнимается.]

Мелодия была нежной и спокойной, в её глубоком, романтическом звучании читались чувства исполнителя. Чу Син медленно выпрямился, уловив смысл музыки. Цюй Сяо, опустив голову, смотрел на клавиши — ему нестерпимо хотелось увидеть выражение лица Чу Сина, но он сдерживал себя, боясь, что если увидит пугающий ответ, не сможет доиграть.

Однако любая пьеса рано или поздно заканчивается. Последняя нота замерла в воздухе, Цюй Сяо убрал руки и обернулся к Чу Сину:

— Син, ты и правда как моя звезда. Когда я вижу тебя, это словно находишь яркое светило в бесконечной тьме, и понимаешь, что в мире существует нечто настолько ослепительное.

Цюй Сяо поднялся, похожий на элегантного принца или того самого нежного старшекурсника, в которого тайно влюблялись многие девушки в школьные годы. Он опустился на корточки перед Чу Сином и, взяв его руку, приложил к своему лицу:

— Я не собирался говорить об этом так скоро, ты наверняка решишь, что это слишком поспешно. Но если я не потороплюсь, ты достанешься кому-то другому.

Цюй Сяо всегда стремился к осторожности, но знал: если признание провалится, они даже друзьями перестанут быть. Он жаждал увидеть в глазах Чу Сина ответную любовь, но раз за разом терпел неудачу и теперь не мог сдержаться, хотя и сам не был уверен в себе.

— Син, дай мне шанс, хорошо?

Он смотрел на Чу Сина, ожидая окончательного приговора.

Гу Тинхань в это время был в пути. Чат трансляции разрывался от сообщений, что его дом обокрали, но он ничего не видел и даже довольно улыбался, считая, что всё идет по плану. Он достал фотографию Чу Сина, полюбовался ею и довольно усмехнулся.

— Прости, я правда не планирую вступать в отношения.

Сказав это, он поднялся и ушел. Гу Тинхань застыл на месте, опустив голову и скрыв лицо за волосами.

Всё-таки отказали. Ожидаемо, но от этого не менее больно.

Чу Син зарылся в постель. Если бы он только знал, ни за что не согласился бы на это проклятое шоу. Если бы только знал, не приехал бы сюда.

Не успел он прийти в себя, как дверь с грохотом распахнулась. Лин Дуншэн, сняв наушники, бросил:

— Эй, если свободен, пошли прогуляемся? Говорят, на севере много ресторанчиков с очень необычной кухней.

— Прости, я не хочу.

Лин Дуншэн опешил, не ожидая отказа, и задрал подбородок:

— Не подумай, что я расстроюсь. Я просто пригласил тебя из жалости, потому что ты выглядел таким одиноким. Раз не хочешь — как хочешь.

Говоря это, он украдкой наблюдал за Чу Сином, но, видя полное равнодушие, покраснел от злости.

Оставаться в доме было невозможно, кто знает, что еще случится. Чу Син за всё время ни разу

не покидал виллу, он терпеть не мог холод, но всё же натянул пуховик и вышел. Сначала снега не было, но на полпути повалили хлопья. Стряхнув снег с волос, он нашел скамейку в парке и присел.

Рядом сидели иностранцы, попивая пиво. Они что-то громко обсуждали, указывая на Чу Сина. Поскольку операторы следовали за ним, поначалу те вели себя прилично и даже пригласили его выпить.

— Красивый азиатский мальчик, давай выпьем вместе?

— Нет, спасибо, — вежливо отказался Чу Син. Он не хотел пить и собрался уходить, но один из мужчин схватил его за руку.

— Вы, азиаты, такие трусливые, даже выпить не можете! Ну же, пей! — пьяный мужчина, игнорируя протесты, потянул его к себе, а остальные начали подначивать.

Сопровождавший их оператор попытался вмешаться, но после короткой перепалки его с силой толкнули на землю.

— Господин, ваше поведение крайне невоспитанно, — произнес Чу Син. Его английское произношение было безупречным, словно древний аристократ, читающий старинные стихи.

— О, красивый мальчик, не злись. Ты такой прекрасный, что даже в гневе выглядишь мило.

Бах! Пьяница не успел понять, что произошло, как рухнул лицом в снег.

Чу Син посмотрел на него сверху вниз:

— Надеюсь, в будущем вы научитесь хорошим манерам. Опьянение — не оправдание для отсутствия культуры.

Уличные фонари освещали его фигуру. Он по-прежнему был похож на красивую фарфоровую куклу, но теперь никто из присутствующих не осмеливался смотреть на него свысока.

<http://bllate.org/book/21593/2225831>